

III.

Данте и Ювеналъ, новелла, полная самаго откровеннаго, иногда грубаго шаржа, и мотивы чистилищной легенды — вотъ впечатлѣніе, которое выносить изъ Корбаччьо читатель, преслѣдующій не психологическія, а стилистическія цѣли. Съ такого именно чтенія полезно начать, чтобы тотчасъ-же разобраться въ нѣкоторыхъ вопросахъ. Ювеналъ далъ нѣсколько штриховъ и красокъ для реальной картинки нравовъ, въ которой все вѣрно, до цинизма, и все преувеличено въ свѣтѣ завзятой страстности. Это бьетъ въ глаза и такъ поглощаетъ вниманіе, что за массой беспощадной житейской грязи мы невольно забываемъ, гдѣ мы, забываемъ рамку разсказа, гдѣ все полно дантовскихъ воспоминаній, не только въ стилѣ, но и въ мотивахъ: жизнь, отданная плотской любви, аллегорически изображена, какъ чистилище, съ перспективой ада въ глубинѣ; мрачная, суровая долина, отвѣчающая дикому лѣсу, въ которомъ заблудился Данте ¹⁾; какъ онъ зашелъ туда, онъ не знаетъ ²⁾, такъ и Боккаччьо; того и другого выводятъ изъ юдоли плача чудесные руководители, посланные Пресвятой Дѣвой ³⁾, обоихъ освѣщаетъ аллегорическое солнце истины, сознанія ⁴⁾, и оба, выбравшись на правый путь, готовы броситься на колѣни передъ своими спасителями ⁵⁾.

Таковы дантовскіе элементы Корбаччьо, но мы ихъ забываемъ за колоритнымъ образомъ злой жены, онъ становится для насъ цѣлью, и мы ни разу не настраиваемся благоговѣйно къ идеямъ спасенія и нравственнаго улучшенія. Данте также бываетъ реаленъ и рѣзокъ, но все это исчезаетъ въ общемъ тонѣ поэмы, и мы не сбиваемся съ свѣтлой стези; у Боккаччьо эти противорѣ-

1) Inf. I, 5.

2) Inf. I, 10.

3) Inf. II, 94.

4) Inf. I, 16 слѣд.

5) Purg. XXX, 49—51.

чїя не примирены; онъ самъ чувствуетъ несообразность грязныхъ откровеній въ устахъ духа, кающагося и наставляющаго къ тому другого — и спасается софизмомъ, что нѣкоторыя болѣзни требуютъ сильныхъ средствъ¹⁾. Дѣло въ томъ, что здѣсь, какъ нерѣдко, дантовскіе мотивы явились для него чѣмъ то внѣшнимъ, поэтической формулой; они попали въ тонъ, когда онъ переживалъ то настроеніе духа, которое выразилось въ его *Амето* и *Любовномъ Видѣніи*²⁾, по ему не доставало мистической вѣры Данте, его религіозность нѣсколько внѣшняя³⁾: онъ особо чтилъ Богородицу⁴⁾, славословилъ ее⁵⁾, вѣрилъ въ спасительную силу молитвъ за усопшихъ, въ дѣйствіе заупокойной обѣдни и милостыни по душу⁶⁾, но мірскія мысли не покидаютъ ни его, ни его руководителя, отъ котораго мы ожидали бы совершенно иного настроенія. Между тѣмъ именно онъ все еще полонъ плотскаго гнѣва и въ разсказахъ о мерзостяхъ жены ищетъ средства успокоиться, отвести душу⁷⁾. Онъ и обновляетъ въ Боккаччо жажду мести⁸⁾: она будетъ ему искупленіемъ, искупленіемъ и ей; такъ говорятъ духъ чистилища, гдѣ всѣ одинаково горять — любовью⁹⁾. И Боккаччо страстно отдается этой идее: онъ отомститъ жестоко, всенародно, но этого мало, и онъ призываетъ еще кару Господа, Бога любви, какъ въ самомъ началѣ памфлета идея мести представляется небеснымъ утѣшеніемъ, ниспосланнымъ свыше¹⁰⁾.

Корбаччо — пѣснь безпощадной мести, за оскорбленное самолюбіе мужчины, сказать точнѣе: физиологическое самолюбіе. Эта непривлекательная сторона памфлета бьетъ въ глаза, ее

1) Corbaccio, стр. 215, 222—4.

2) Сл. выше т. I, стр. 189—191; сл. стр. 184 и 258—9 и для *Амето* и *Любовнаго Видѣнія* стр. 262 слѣд.

3) Сл. выше т. I, стр. 522.

4) Corbaccio, стр. 155, 171, 196—7.

5) Сон. LXXVIII, XCIV, XCV; сл. XCVI: молитва къ Спасителю.

6) Corbaccio, стр. 172, 232, 252.

7) Стр. 229.

8) Стр. 159—160, 248—9.

9) Стр. 250.

10) Стр. 160.

не удалишь, какъ впечатлѣніе восьмой гораціевской эподы, но она получаетъ нѣсколько другое освѣщеніе, если спросить себя; кто настоящій объектъ памфлета? Не женщина, обманувшая Боккаччо, а онъ самъ, старый Діонео, званокъ женщины¹⁾, плотски-страстный²⁾, сознающій себя рабомъ своего темперамента, въ самой борьбѣ съ нимъ призывающій образы плоти. Образы отрицательные, пугающіе своей мерзостью; этотъ шаржъ — признакъ слабости: человѣка плоти надо было побить ею-же, надо было вдуматься въ обратную сторону медали, заставить себя возненавидѣть то, что прежде плѣняло. И Боккаччо негодуетъ на себя, старается запугать воображеніе, вживаясь въ пониманіе любви, какъ грѣха и педуга³⁾, раскрывая самыя грязныя ея подробности, униваясь ихъ безобразіемъ, приучая себя къ ненависти, какъ созерцаніе трупа приучало аскета къ вѣдѣ смерти; можетъ быть, торжествуя сарказмомъ надъ безсміемъ. За эту внутреннюю борьбу темперамента и сознанія поплатилась — женщина; женщины вообще. Мизогиническія теченія средневѣковаго общества, какъ-то мирившіяся съ идеалистическими, слишкомъ хорошо извѣстны⁴⁾: онѣ питались изреченіями Сираха, Секунда и Морольфа, отражались въ фабліо и сюжетахъ захожей восточной сказки, взлелѣяли и свою теоретическую литературу — отъ популярнаго трактата Теофраста⁵⁾, которымъ пользовался дьяконъ Лотарій (Ивнокентій III)⁶⁾ и Roman de la Rose, до Валерія⁷⁾, Андрея Капеллана⁸⁾ и Матеола⁹⁾. Этими и подобными статьями, соеди-

1) Corbaccio, стр. 238.

2) Стр. 156.

3) Стр. 185.

4) См. выше т. I, стр. 69.

5) Liber aureolus Theophrasti de nuptiis у Иеронима, contra Iovinianum.

6) De contemptu mundi, lib. I, с. 18.

7) Epistola Valerii ad Rufinum de uxore non ducenda.

8) De Amore, l. c. lib. III (De reprobatione amoris). См. трактатъ другого Андрея Капеллана: De dissuasione uxorationis (изд. Raina въ Studi di Filologia romanza, fasc. 13, стр. 266 слѣд.).

9) Les Lamentations de Matheolus et le Livre de Leesce de Jehan Le Fèvre, de Besson, ed. van Hamel въ Bibl. de l'École des Hautes Études, fasc. 95, t. I (1892).

ненными въ одинъ томъ, зачитывался Оксфордскій клерикъ у Чосера; читалъ и хохоталъ къ великому смущенію Батской вдовы: примѣровъ о злыхъ женахъ онъ зналъ больше, чѣмъ сказаній о добродѣтельныхъ женахъ Библии; да развѣ клерикъ можетъ сказать что-либо доброе о женщинахъ, коли не о святыхъ? ¹⁾).

Боккаччо впадаетъ въ это настроеніе подъ вліяніемъ жизненнаго момента; къ Теофрасту онъ не разъ обратится впослѣдствіи; теперь онъ прислушался къ Ювеналу. Отъ характеристики женской слабости и требованія мужскаго руководства, о чемъ говорится въ иныхъ новеллахъ Декамерона ²⁾, онъ сразу переходитъ къ завязаному ригористическому взгляду на женщину, какъ неспособную къ добру, какъ на созданіе низшаго разбора ³⁾; въ свѣтѣ правятъ мужчины: самый презрѣнный изъ нихъ лучше всякой женщины, которую почитаютъ достойнѣйшею ⁴⁾. А онъ допустилъ себя унижаться передъ развратной, молодящейся старухой, подбодряетъ себя Боккаччо; чего искалъ онъ въ ней? Вѣдь не наживы-же, говоритъ онъ ⁵⁾, обрушая на себя ненужное подозрѣніе. Однимъ развѣ она выше его, что она дворянка; но тутъ передъ нимъ возставалъ болевой вопросъ, издавна тревожившій его въ его отношеніяхъ къ Фьямметтѣ ⁶⁾. Ему больно было его социальное неравенство; порой онъ утѣшалъ себя увѣреніемъ, что его мать изъ хорошаго рода ⁷⁾, онъ пошелъ въ нее, но затѣмъ въ немъ проснулось самосознаніе, гордость, это «*intime avènement des gueux qui sont rois*» ⁸⁾. Не сословный протестъ,

1) Chaucer, Canterbury Tales, The prologue of the wif of Bathe, v. 6251 слѣд.

2) Сл. выше т. I, стр. 528—9.

3) Corbaccio, стр. 186 слѣд.; 239.

4) Стр. 200.

5) Стр. 240—I.

6) Сл. выше т. I, стр. 13, 118, 167.

7) Сл. выше т. I, стр. 13 и эклогу XII: *nes plebis fece creatus*.

8) Haraucourt.

какъ у Васа ¹⁾, Рютбёфа ²⁾ и Jean de Meung, не учение о нивелирующей силѣ любви, какъ у Андрея Капеллана, побудили его теперъ открыто поставить вопросъ о благородствѣ, какъ личной доблести, бросивъ перчатку родовой знати. Въ Италиі это рѣшеніе не ново: мы встрѣчаемъ его у Генриха изъ Сеттимелло ³⁾, Данте, Биндо Боники, Петрарки, Заноби (въ вѣнчальной рѣчи) и др.; у Боккаччю въ предисловіи къ переводу 4-й декады Ливіа ⁴⁾, въ Декамеронѣ ⁵⁾, позднѣе въ De Claris Mulieribus ⁶⁾, въ De Casibus ⁷⁾ по поводу Астіага, выдавшаго свою дочь за простаго мѣщанина, дабы въ ихъ сынѣ (Кирѣ) неблагородная кровь отца умѣрила прирожденное отъ матери величіе духа. Точно у насъ души отъ родителей, говоритъ Боккаччю, Сократъ пошелъ въ отпамяморщика и мать повитуху, а Еврипидъ и Демосѣенъ вынесли свой паѳосъ и краснорѣчіе изъ материнской утробы ⁸⁾? Иной разъ проскользнетъ и старый взглядъ на родовитость, когда напр. выражается недоумѣніе, чтобы философски-образованная гетера Леонціумъ вышла изъ плебса, ибо изъ такой грязи рѣдко выдаются великіе таланты, а если и посылаются небомъ, то ихъ блескъ бываетъ омраченъ низменной долей ⁹⁾. Въ Корбаччю ¹⁰⁾ этихъ колебаній не замѣтно: у Боккаччю нѣтъ фамильных гербовъ, онъ изъ крестьянъ Чертальдо, славной своими луковницами, куда иронически и отсылаетъ его дама ¹¹⁾, а между тѣмъ, онъ

1) Roman de Rou v. 6027.

2) Dit d'Aristote.

3) De Divers. fortunae, l. II, v. 205 слѣд.

4) Hortis, Studi, стр. 423.

5) IV, 1; VI, 2, 5; X, 10.

6) Гл. 103.

7) II, 17.

8) Сл. еще l. c., l. V, c. 4; IX, 16; Gen. Deor. XIII, 1; XV, 11; письма къ Нелли, къ Пино деи Росси (у Corazzini, стр. 74, 166).

9) De Clar. Mul. гл. 58; сл. 45: о Сафод; гл. 50: о Клеин.

10) Стр. 204—5, 220, 244—246.

11) Corbaccio, стр. 236.

благородіѣ ея¹⁾: его умъ, его занятія выдвинули его изъ толпы²⁾; онъ не кое-кто³⁾: не будь его горделивая неподатливость, его *superbia*⁴⁾, онъ былъ бы своимъ человѣкомъ у людей, которые могли-бы его возвысить⁵⁾. Его слово-сила: онъ самъ можетъ и возвеличить и принизить⁶⁾; у него есть слава, которую онъ обязаѣ умножить и желѣять⁷⁾. Такъ говорилъ Памфило, приготавливая свое общество къ назидательнымъ разсказамъ послѣдняго дня Декамерона: бесѣдуя о дѣлахъ великодушія «и совершая ихъ, вы несомнѣнно восплааете духомъ.... къ доблестнымъ поступкамъ, и наша жизнь, которая въ смертномъ тѣлѣ можетъ быть лишь кратковременной, продлится въ славной молвѣ о насъ, а этого долженъ не только желать, но всѣми силами добиваться и оправдывать дѣломъ всякій, кто не служить лишь своей утробѣ, какъ то дѣлають звѣри»⁸⁾. «Почему не тщимся мы доблестными поступками распространить нашу славу и тѣмъ продолжить наши краткіе дни?» спрашивалъ Боккаччо въ одномъ сонетѣ; «вотъ, что намъ приносить, что сохраняетъ нашу честь, снимая съ насъ пелену годовъ, украшая долготіемъ»⁹⁾. До тѣхъ поръ тому мѣшали женщины и любовь; касталійскія музы, то-есть наука, были забыты, и онѣ гнѣваются; скорѣе же къ нимфамъ, въ тихій лѣсъ, гдѣ онѣ вѣщаютъ о тайнахъ естества и божественной благости, гдѣ поють стихи Гомера и Виргилія, быть можетъ, и твои, говорить за Боккаччо его руководитель¹⁰⁾. Музы не покинуть, онѣ не женщины.

«Музы — женщины», писалъ Боккаччо въ защиту первыхъ

1) Стр. 245.

2) Стр. 201.

3) Стр. 240: *Part'egli così essere da nulla?*

4) *Gen. Deor. XV, 13.*

5) *Corbaccio*, стр. 242.

6) Стр. 248—9.

7) Стр. 201.

8) Дек. IX въ концѣ = пер. II, стр. 240.

9) Сон. XXXVI.

10) *Corbaccio*, стр. 201—3.

трехъ дней Декамерона, и хотя женщины «и не стоятъ того, чего стоятъ музы», тѣмъ не менѣе онѣ «были мнѣ поводомъ сочинить тысячу стиховъ, тогда какъ музы никогда не дали мнѣ повода и для одного» ¹⁾; Ты мой Аполлонъ, ты моя муза, пѣлъ когда-то Боккаччьо Фьямметтѣ ²⁾. Теперь фронтъ перемѣнился: музы не женщины, а нѣчто серьезное, цѣломудренное и назидательное, что не всякому доступно и граничить съ наукой и философией ³⁾. Онѣ требуютъ иного служенія и иной поэзіи; когда я былъ молодъ, я писалъ, что подсказывала мнѣ любовь, звучные стихи шли на встрѣчу той, которая воспламенила мое сердце; съ тѣхъ поръ какъ смерть смежила очи, гдѣ я почерпалъ свою силу, стихи мнѣ опостылѣли; я направилъ стопы вслѣдъ ей, а годы сдѣлали мою рѣчь хриплой ⁴⁾. Такъ говорилъ Боккаччьо по смерти Фьямметты: нѣтъ еще отрицанія поэзіи любви, нѣтъ только ея мотива; но годы проходили, и вмѣстѣ съ ними литературныя требованія къ себѣ становились строже. «Я надѣялся возойти на ту и другую вершину Парнаса, отвѣдать касталійскаго источника, украсить голову вѣнкомъ, столь любезнымъ Аполлону; скромный наслѣдникъ старыхъ пѣвцовъ, я предался пѣснямъ, хотя не глубокимъ, но легкимъ и игривымъ. Но суровый, тернистый путь жизни и усталые, сѣдые годы отняли у меня надежду добраться до цѣли, и я бросилъ стихи и рѣчи и утомленные думы, и теперь ужъ не напишу, какъ писалъ бывало» ⁵⁾. Я даромъ потратилъ время и трудъ, всему виною слабость моего дарованія, не способнаго подняться на такую высоту, досказывалъ онъ въ другомъ сонетѣ ⁶⁾. Это то-же болѣзненное самосознаніе, которое заставило его сжечь часть своихъ юношескихъ

1) Дек. пер. I, стр. 276.

2) Сл. выше т. I, стр. 117.

3) Corbaccio, стр. 237: studii.

4) Сон. LI.

5) Сон. LXVIII.

6) Сон. LXXIV.

итальянскихъ стихотвореній, когда онъ убѣдился, что ему не сравниться съ лирическими красотами Петрарки.

Итальянскія, то-есть, главнымъ образомъ, любовныя стихотворенія; оставалась строгая латинская поэзія. Она манила его издавна, еще у гробницы Виргилія; ее, очевидно, онъ имѣетъ ввиду, когда оплакиваетъ упадокъ древней доблести, дѣлавшей Италію царицей міра, и касталійскихъ музъ, забытыхъ обществомъ, преданнымъ любостыжанію¹⁾. Онъ самъ боится потеряться въ немъ и молить Феба о помощи, о лаврѣ для своей сѣдѣющей головы²⁾. Поэзія—это Сафод XII-й эклоги, обитающая въ лавровой рошѣ, въ сонмѣ девяти музъ, между ними послѣдняя и главная та, которая въ сущности и дѣлаетъ поэзію — поэзіей: Калліона, благозвучная³⁾.

Въ этотъ заповѣдный лѣсъ зашелъ молодой⁴⁾ Аристей-Боккаччо и срываетъ вѣтки лавра. Что ты дѣлаешь, безумецъ? останавливаетъ его Калліона; развѣ не знаешь, что эти вѣтви суждены тѣмъ, кто ихъ заслужилъ по праву? ⁵⁾. — Вотъ преступленіе! Я сорвалъ всего три небольшихъ, прельщенный ихъ ароматомъ; нимфа-ли ты, или богиня, пойдика, потряси тѣ дубы и подбери желуди — я не мѣшаю. — Ты возбуждаешь во мнѣ смѣхъ, сравнивая дубъ съ лавромъ; развѣ не знаешь ты, неразумный, что желуди—пища свиней, лавровый вѣнокъ назначенъ поэтамъ, которыхъ Аполлонъ поставилъ надъ своею рощею и священнымъ источникомъ, надъ Каменами, киворами и плектрами.— Такъ я въ священной рошѣ Аполлона, куда такъ стремился! Какъ

1) Сон. VI.

2) Сон. XXVI.

3) Calliopes . . . Castalii nemoris custos fontisque Sonori; сл. эклогу XIV (nemoris custos regina canori—Calliopes) и пояснительное письмо Боккаччо къ Мартину да Синья у Corazzini, стр. 264, 272: Calliopes: bona sonoritas; Gen. Deor. I. XI, c. 2 (optimae vocis); Com. lex. VII, ed. Milanese v. I, стр. 207 (ottima voce); Benvenuto da Imola къ Purg. I, 7 слѣд.; Petrarcae Eclog. III: regina canori . . . prima chori.

4) Puer.

5) Nisi conscia quiris Optatas frondes merito concesserit ante.

увидать мнѣ славный сонмъ поэтовъ, воспѣтый Мопсомъ (Петраркой), и нимфъ, и Сафодъ?—Какое дѣло тебѣ до Сафодъ, тебѣ, мальчишкѣ, свинопасу? — Я пылаю къ ней, я всѣхъ для нея оставилъ и жажду ея объятій; хочу увидеть ее, невиданную; зачѣмъ—не спрашивай.—Ты жаждешь объятій Сафодъ! Но это немислимо; помнится, еще недавно ты чистилъ стойла, готовилъ постилку свиньямъ, грязный и паршивый, а теперь полюбилъ Сафодъ! Ужь не ожидаетъ-ли тебя Паллада?—То была не Паллада, а Аргусъ (= король Робертъ); но почему-бы не любить мнѣ Сафодъ? Меня долгое время любила Галатея, любила Филлида, но теперь мягкая волна уже покрыла мои ланиты. Мудрый Панъ вручилъ мнѣ свирѣль, научилъ когда-то и пѣснямъ. Я не изъ толпы: моя мать—Кирена, ѳессалійская нимфа, мнѣ имя Аристей, я собираю медъ и желуди древняго аркадійскаго лѣса¹⁾; казалось-бы, знаю тебя!—Да это ты?; какъ же это я тебя не признала! Ты вѣдь великій Орфей²⁾, судья богинь!³⁾. Не тебя ли я видѣла прежде, какъ ты пѣлъ на площадяхъ народныя пѣсни⁴⁾, при одобреніи глупой толпы⁵⁾?—Да, это я, сознаюсь, но вѣдь вкусы мѣняются, мальчику нравилась народная пѣсня, ее я оставилъ хромому Вулкану⁶⁾, съ годами явилась и новая любовь.—Давно-ли Баттъ не умѣлъ связать двухъ словъ⁷⁾, а теперь, ставъ Аристеемъ, стремится къ высотамъ Парнаса, охваченный страстью къ ея богинямъ? Чего только не дѣлаетъ Олимпъ? Ты воображаешь себѣ, что это Филлида или Луписка, которыхъ вы яблокомъ подманиваете въ лѣсахъ — но вѣдь то великая богиня,

1) *Mella vetusti Archadus* accipio nemoris. Сл. эклогу XIII: Стильбонъ о Дафнисѣ (Боккачъо): *Archadus* Quamquam dicas habuisse magistros. Поэзія Аркадіи противопоставляется поэзіи Сафодъ: итальянская—высокой, латинской? Въ Амето протявоположеніе Аркадіи и Академіи имѣють, очевидно, иной смыслъ. Сл. т. I, стр. 273.

2) *Ismarius*.

3) *Critis es Idae*.

4) *Vulgare . . . carmen*.

5) *Misero plaudente popello*.

6) *Lemniadi claudio*.

7) *Nuper dissolvere linguam Vix poterat Bathos*.

которую познали немногие. — Если меонійскій пастырь (Парисъ) видѣлъ супругу громовержца и обнаженныхъ богинь, почему же мнѣ не увидѣть Сафодъ? — Но какъ узналъ ты о ней? — Вчера Сильванъ (Петрарка) сошелся съ Виргиліемъ (Minciadem) тамъ, гдѣ Сорга, выбившись изъ скалы, бѣжитъ по замкнутой долинѣ¹⁾. Въ тѣни древняго дуба они пѣли взапуски, а я слушалъ, притаившись въ кустахъ, какъ они вохваляли до небесъ Сафодъ; восхищенный, я позабылъ Филлиду, и новая любовь обуяла меня; я ищу Сафодъ — не ты-ли это? И по виду и по рѣчамъ ты богиня. — Нѣтъ, я ей слуга; что бы сказалъ ты, еслибъ увидѣлъ ее! Но много труда предстоить тебѣ, слишкомъ высоко ты поставилъ свою любовь! — Но кто-же ты, прелестная? — Меня звать Калліопой, я дочь Юпитера²⁾, стражъ касталійскаго лѣса и священнаго источника. — Помню, такъ пѣли о тебѣ великій Виргилій и великій Сильванъ: ты оглашаешь лѣса, вѣщая высокіе замыслы Сафодъ. Но гдѣ пребываетъ она? — На высотѣ Нязы, у горгонейскаго источника; лавровый вѣнокъ скрываетъ ея свѣтлыя очи, покрывало дѣвственное лицо; немногіе видѣли ея встарь; мы сестры-піэриды у нея въ услуженіи, для нея поетъ Аполлонъ. — Зачѣмъ-же таятся она, къ чему чуждается города? — Она сидитъ, погруженная въ думы, и то переносится въ обитель Плутона³⁾, къ стонамъ его мрачнаго лѣса, то открываетъ тайнства моря; передъ ней проходятъ сонмы дочерей Форка и Напей, веселья, цвѣтуція долины Елизія, слышится пѣніе птицъ и сіяютъ свѣтила неба. Все видѣнное она обнимаетъ своимъ чудеснымъ плектромъ и хранитъ въ записи подъ зеленой корой дерева. Неужели, думаешь ты, все это допустила бы неразумная толпа, занятая стрижкой ословъ, крикливо загоняющая козлиное стадо? Весной мы безжалостно ступаемъ по цвѣтамъ⁴⁾, которыхъ напрасно

1) Vallis . . . clausae: Воклюзъ.

2) Magni Iovis inclita proles.

3) Plutarchi.

4) Chironi flores.

ищетъ потомъ игривая дѣвушка; вотъ почему скрывается Сафодъ.— Да это такъ: Сократъ принужденъ былъ испытать цикуты¹⁾, побѣдитель пунійскихъ львовъ (Сципионъ)²⁾ осужденъ на изгнаніе. Всему дивятся лишь однажды, святыня теряетъ отъ частаго употребленія.— Къ тому же нашлись люди, которые стали угрожать Сафодъ, невинной, стараясь запятнать ея чистое чело; говорили, что она лжива, полна блуда, растлѣваетъ нравственность, другіе, осуждавшіе древній котурнъ, указывали на то, что она, какъ мимъ, водится на театрѣ, и полагали, что ее слѣдуетъ изгнать за то, что она воспѣваетъ любовныя похощенія боговъ и подъ вымышленными образами представляетъ дѣянія древнихъ. Изгнать изъ отечества—точно она царитъ въ городахъ! Иные, не понимающіе и не желающіе понять ея печали, зовутъ ее сиреной, жадной до наживы. Вотъ еще что взволновало богиню, вотъ почему она не покидаетъ своихъ вершинъ.— Но кто-же тѣ люди? Можетъ быть, ихъ одолѣло вино, вѣдь здравый человѣкъ не дойдетъ до такого безумства?— Старые люди звали ихъ эриколами (стяжателями)³⁾.— Не понимаю я этого: ты говоришь вѣдь не съ Платономъ и не съ Ликургомъ; я простакъ и во многомъ не свѣдущъ.— Это тѣ, что вырываютъ изъ пасти волка похищенныхъ имъ животныхъ, торгуя широковѣщательными словами; тѣ, которые говорятъ о себѣ, что знаютъ толкъ въ болѣзняхъ скота, въ источникахъ и врачевныхъ травахъ, вліяя будто-бы на ходъ природы⁴⁾; тѣ наконецъ, которые самоувѣренно описываютъ обители боговъ, говорятъ, что имъ открыто ихъ провидѣніе⁵⁾, причины, почему напр. молнія падаетъ на лѣсъ, и читаютъ умиловительныя молитвы⁶⁾.— Но что-же понимаетъ крестьянинъ въ дѣлѣ пастуха? Что между

1) Vidi ego confiantem carmen coeleste Aracyntho—Pastorem celebrem primo, tandemque cicuta—Sublatum.

2) Qui poenos septis contriverat ante leones. Сл. Petr., Ecl. I: et Lybicos sylvis pepulisse leones.

3) Ericolas.

4) Et coeli mutare vices nemorumque fatentur.

5) Sensus.

6) Sacra atque piacula dicunt.

ними общаго? Никому-то Ериннія не позволяет удовлетвориться своей судьбой! Но покажи-же мнѣ путь на Парнасъ, какъ легче туда добраться, чтобы послушать Сафодъ? — Путь заглохъ, заповолили его старые сучья, камни, замела пыль; тому виною жажда золота; уже многіе возвращались вспять, увидѣвъ, что дорога изрыта ямами. — Это меня не пугаетъ, часто я восходилъ на скалы снѣжнаго Ликея; все преодолагаетъ неослабный трудъ. — Талантъ выше труда ¹⁾: даромъ потрудился желѣзный Арпинать ²⁾, хотя у него было сильное перо и звучный голосъ, но не то было дарованіе, не было поэтического огня. Мы родимся съ разными призваніями. Но если тебѣ такъ страстно хочется увидѣть Сафодъ, послушайся моего совѣта: одинъ лишь Сильванъ недавно воззошелъ къ ней, вѣтъ намъ милѣе его послѣ Виргилія, не милѣе и Луканъ ³⁾. Ступай къ нему, онъ повѣдаетъ тебѣ, какими путями онъ самъ взобрался на желанныя высоты. — Пойду я къ нему, понесу двухъ поросятъ, быть можетъ, и умолю его подаркомъ.

Для характеристики литературнаго перелома, совершившагося въ Боккаччо въ связи съ его нравственными колебаніями, XII-я эклога чрезвычайно интересна; сравните ее съ III-й эклогой Петрарки, которой она видимо подражаетъ, и получится характеристика челоуѣка. Пастухъ Ступей (Петрарка) увидѣлъ на пустынномъ берегу лучезарную Дафне, не воззю, а символъ поэтической славы; онъ увлеченъ ею, хочетъ съ ней объясниться, она бѣжитъ. Многимъ я нравилась, говоритъ она, нравилась и златовласому Фебу, ты кто-такой? — Самъ я знаю, отвѣчаетъ поэтъ, что желающему жить въ мирѣ не слѣдуетъ сближаться съ тѣми, кто выше его и кто ему ровня, а искать вѣрной дружбы въ сердцѣ меньшаго: тамъ лишь онъ обрѣтетъ и неослабную снисхо-

1) *Vicit et ingenium vires.*

2) Цицеронъ; сж. *Petr. Fam. IV, 15; XXIV, 4, 12; Reg. Mem. I. I, стр. 396—7.*

3) *Non pastor Opheltes—Aonii pecoris stragem qui carmine pinxit.*

детельность и скромныя обоюдныя ласки и милую боязливость¹⁾. Все это я зналъ, но любовь, побѣждавшая боговъ, побѣдила и меня.—Какая-же надежда питаетъ тебя? спрашиваетъ Дафне.— Сколько безсонныхъ ночей провелъ я въ теченіи пятнадцати лѣтъ, сколько вздоховъ подавилъ въ сердцѣ, покоренномъ любовью — объ этомъ лучше бы умолчать. Я пытался прибѣгнуть къ искусству музыки²⁾, въ надеждѣ, что звукамъ и Каменамъ ты болѣе доступна, чѣмъ блеску золота, но мои пѣсни казались мнѣ самому неблагозвучными, хотя я слышалъ, какъ расхваливали ихъ Фавны и дриады³⁾; часомъ козы, переставъ глотать вѣтки, уставлялись на меня, изумленные, пчелы забывали ракитникъ, умолкали цикады. Я радовался, но увѣренность явилась лишь когда къ пѣснямъ меня побудилъ Аргусъ (король Робертъ). — У него одного было право повелѣть, ибо онъ одинъ разумѣлъ это, говорить Дафне; но скажи-же, каковы твои новыя начинанія⁴⁾.—Ты мой покой, моя забота и наслажденіе, твердить ей поэтъ, ты моя единственная властительница; тебя любить Юпитеръ, любилъ Аполлонъ, теперь къ тебѣ пылаетъ бѣдный пастухъ; если ты одобришь его пѣсни, онъ будетъ богачемъ⁵⁾.—И онъ рассказываетъ ей о своей встрѣчѣ съ сонмомъ музъ, какъ одна изъ нихъ⁶⁾ ободрила его, подала ему вѣтку лавра: пойди къ Дафне, она смиляется.—Она смягчилась, ведетъ его на свой холмъ, рассказываетъ о его былой славѣ, о поэтахъ, которые здѣсь вѣнчались лавромъ, о Виргилиі⁷⁾. Подай мнѣ свою вѣтвь; хотя и подь

1) Eclog. III: *Fidum tibi junge minoris Pectus, ubi obsequium pernox, humilesque vicissim Blanditiae, dulcisque timor.*

2) L. c. *Studui si musica forte Ars mihi ferret opem.*

3) Сл. Eclog. I: *Vox mea non ideo grata est mihi, carmina quanquam — Laudibus interdum tollant ad sidera Nymphae.*

4) Eclog. III: *Ille fuit qui talia posset Iure jubere suo, nosset qui talia solus.* Сл. Ecl. X: *celsos poteram nec prendere ramos — Ni sublatum humeris tenuisset maximus Argus.*

5) Сл. Ecl. X: *Laurea cognomen tribuit mihi, laurea famam, Laurea divitias, fueram qui pauper in arvis, Dives eram in sylvis.*

6) Eclog. III: *Regina canori.... prima chori: Каліопя; сл. выше стр. 52, прим. 3.*

7) L. c. *Parthenias.*

другимъ созвѣдіемъ, я сплету и для тебя вѣнокъ изъ того-же лавра. Покинь всѣ другія заботы и будь моимъ. — Мои бдѣнія увѣнчались успѣхомъ, кончаетъ поэтъ, сладко теперь вспомнить о былыхъ трудахъ.

Спокойная самоувѣренность Петрарки ярко отгѣняетъ боязливую скромность Боккачьевской эклоги. Оба начали съ легкой итальянской лирики, но одной заслушивались фавны и дриады, другой ея стыдится, какъ грѣха юности, какъ площадной поэзіи, забывъ о вѣнкѣ, который сулили ему музы Тезейды ¹⁾. Тамъ и здѣсь упоминаніе короля Роберта, но какая разница въ освѣщеніи! Одинъ торжественно проходилъ въ царство не только поэзіи, но и славы, другой только стремится къ ней, робко и страстно, чувствуя свою слабость, готовый работать и учиться у Петрарки и Виргилія, а Саффо толкуетъ ему, что дарованіе выше труда, какъ и Петрарка говорилъ въ своей вѣнчальной рѣчи, что поэты рождаются ²⁾ и смѣшны тѣ, которые даромъ потратили на это всю жизнь. — Это не остановитъ рвенія Боккаччо; поэзія представляется ему какимъ-то волшебнымъ царствомъ, полнымъ глубокихъ поученій, обнимающихъ тайны всего сущаго ³⁾; практики жизни ее не понимаютъ, юристы, врачи, богословы преслѣдуютъ ее, какъ вредную; это тѣ, которые въ XII-й эклогѣ являются подъ именемъ *crisologiae* ⁴⁾. Люди наживы не видятъ въ ней никакой пользы: на эту тему спорятъ въ XIII-й эклогѣ Стильбонъ, какой-то генуэзскій купецъ, съ Дафнисомъ-Боккаччо ⁵⁾. Слѣбая

1) XII, 84 слѣд.; см. выше т. I, стр. 312, 340—1.

2) *Natura ipsa valere*; то-же въ *Contra med. Inv. I*, стр. 1091.

3) Корбаччо; см. выше стр. 28.

4) См. выше стр. 55.

5) См. выше т. I, стр. 15 и письмо къ Мартину da Signa у Corazzini, стр. 265. *Notis Studi*, стр. 55, относитъ эклогу къ 1365 г., когда Боккаччо былъ въ Генуѣ. Слѣдующіе стихи содержатъ еще нѣсколько хронологическихъ указаній, впрочемъ не ясныхъ:

*Romuleus nuper Cilices dispersit Amyntas,
Montanos faciens solitos innare carinis,
Sic Ligurum veniet qui calcet colla superbus
Anguis, et eripiat male pastas undique capras.*

любовь заставляет васъ слѣдовать музамъ, которыхъ по внушенію Діоны (Венеры) вы предпочитаете другимъ богамъ, говорить Стильбонъ; но съ этимъ всегда соединяется худшее изъ золъ — бѣдность. — Богатство непостоянно, отвѣчаетъ Дафнисъ, мы довольствуемся немногимъ и счастливы тѣмъ, что вѣнчаемся лавромъ. Стильбонъ поетъ хвалы Хризейдѣ-богатству, Дафнисъ Сафодъ — поэзій; тотъ говоритъ о торговыхъ предпріятіяхъ на корабляхъ, покоряющихъ волны, о мѣнѣ товаровъ между отдаленными частями свѣта, о желаніяхъ, удовлетворяемыхъ золотомъ; Дафнисъ о власти пѣсенъ надъ морскими богами, о мудрости Паллады, вѣщающей тайны религіи и міроваго устройства; о звонкой пѣснѣ поэтовъ, доносящей до калабріи вѣсти о невѣданныхъ имъ индахъ и вызывающей въ памяти живущихъ тѣни Орка. — XII-я эклога подчеркиваетъ особо этотъ элементъ воображенія ¹⁾: Сафодъ сидитъ, погруженная въ думы, а ей видится и обитель Плутона и поля Елизія и сіяніе неба. Поэзія — это отраженіе жизни, схваченной въ ея сущности, далекой отъ суэты и разсчета и вождельнѣй, разцвѣченная фантазіей. Это-ли не дѣло, не удовлетвореніе! Теоретическое обоснованіе этого взгляда явится въ жизнеописаніи Данте, въ Генеалогіяхъ Боговъ, въ комментаріяхъ на Божественную Комедію; тамъ мы встрѣтимъ и средневѣковую теорію аллегоріи, знакомую и Муссато и Данте съ Петраркой. «Вымышленные образы» ²⁾ XII-й эклоги не разубѣютъ ничего другого; собраніе эклогъ Боккаччю даетъ о ней понятіе, вмѣстѣ съ тѣмъ это и образчикъ его строгой манеры ³⁾.

Змѣя указываетъ на гербъ Висконти; Джьованни Висконти владѣлъ Генуей съ 1353 по 1356 годъ.

1) Сл. выше т. I, стр. 166.

2) *Facie picta*.

3) Кромѣ эклогъ, латинскихъ стихотвореній Боккаччю дошло до насъ не много. О его посланіи къ Чекко да Милето сказано было выше (т. I, стр. 376); о его панегирикѣ Данте, о *Versus pro Africa Petrarchae* и отвѣтномъ посланіи къ Заноби рѣчь впереди. *Hortis* (*Studi*, стр. 309 и 350—1) приписываетъ ему небольшую пьесу (*Carmina domini Johannis*), помѣщенную въ одной сіенской рукописи вслѣдъ за письмомъ Боккаччю къ *Niccolò da Montefalcone*.

Онѣ написаны были въ разное время; однѣ относятся ко второй половинѣ 40-хъ годовъ, другія къ началу 60-хъ. Уже на старости лѣтъ Боккаччо посвятилъ ихъ грамматикѣ Донату дель Альбанцани, который просилъ его о томъ¹⁾. Альбанцани²⁾ былъ значительно моложе Петрарки и Боккаччо, преданный и любящій ихъ поклонникъ; они отвѣчали ему выраженіями дружбы: Петрарка посвятилъ ему свое разсужденіе: «*De sui ipsius et aliorum ignoantia*», сообщалъ поправки къ своимъ эклогамъ³⁾, и Альбанцани комментируетъ ихъ, переводитъ жизнеописанія великихъ людей Петрарки и *De Claris mulieribus* Боккаччо. Пслѣдній познакомился съ нимъ въ Равеннѣ, вѣроятно, въ 1350-мъ году, при дворѣ Бернардина да Полента, сына извѣстнаго намъ Остаджіо⁴⁾. Помнится мнѣ, говоритъ Аппенигена (= Донатъ) XVI-й эклоги, видѣлъ я старика (Боккаччо), когда онъ жилъ въ пещерѣ у равеннскаго циклопа, какъ порой, уставъ отъ обычныхъ трудовъ, онъ гулялъ по болотистымъ лѣсамъ. Позднѣе они видѣлись въ Венеціи. XVI-я эклога служитъ какъ бы напутствіемъ остальнымъ: старый, бѣдный пастухъ Церретій (Бок-

Въ сборникѣ (Lang. XXIX, 8), принадлежавшемъ поэту, откуда извлечено его стихотвореніе къ Чекко, сохранились (безъ имени автора) *Verba puella sepulta ad transeuntem*: сѣтуеть дѣвушка-красавица, умершая безвременно, когда она уже открылась любви, и она проситъ читателя умолить любившаго ее юношу, чтобы онъ не проливалъ по ней слезъ: тогда она безъ печали вступить въ обитель блаженныхъ. — Слѣдующія за тѣмъ *Verba transeuntis ad puellam sepultam* вложены въ уста юноши (сл. Hortis, I. с. стр. 311 слѣд. и 358 слѣд.). Очень вѣроятно, что эти пьесы, отличающіяся странною небрежностью метра, принадлежатъ къ первымъ неаполитанскимъ опытамъ Боккаччо, къ тѣмъ «каллиопейскимъ виршамъ», о которыхъ говорится въ его юношескихъ письмахъ (сл. посланіе къ герцогу Дураццо: *prout parvus et exoticus sermo Calliopeo moderamine constitutus. . . . declarabit inferius*; въ письмѣ *Cuidam viro militi*, въ концѣ: *Calliopeus sermo est iste. . . .* Сл. Corazzini, стр. 439, 456). Онѣ не дошли до насъ, какъ и «многія» стихотворныя посланія Боккаччо, о которыхъ упоминаютъ Филиппо Виллани и Манетти.

1) Gen. Deor. XV, с. 13.

2) Род. послѣ 1330 года. Сл. Hortis Studi, стр. 600.

3) Var. LXV.

4) Сл. выше г. I, стр. 375 и Novati, Donato degli Albanzani alla corte estense, изъ Arch. Stor. it. ser. V, t. VI, 1890 г., стр. 1—2 и прим. 1.

каччѣо) посылаетъ Аппеннигенѣ пятнадцать больныхъ, хромыхъ овецъ (= пятнадцать эклогъ); на нихъ кости да кожа, и немудрено: имъ нечѣмъ кормиться на пастбищахъ горы *Cerretum* ¹⁾, гдѣ они щиплютъ богородичную траву, проросшую сквозь допотопныя раковины ²⁾. Пусть другъ не гнушается малымъ подаркомъ; послать его Сильвану (= Петраркѣ) Церретій не рѣшился: для него онъ слишкомъ незначителенъ. — Раковины Чертальядо не разъ обращали на себя вниманіе Боккаччѣо ³⁾; пятнадцать овецъ-эклогъ напоминаютъ образы дантовской эклоги и отвѣтнаго посланія *Giovanni di Virgilio*: и тамъ Титиръ (Данте) обѣщаетъ послать Мопсу (*Giovanni di Virgilio*) десять сосудовъ молока отъ своей любимой коровы (= десять пѣсенъ Рая), а Мопсъ отвѣчаетъ ему такимъ-же символомъ, и такъ же выражаетъ сомнѣніе: приличенъ-ли подобный даръ такому пастырю.

Данте былъ изъ первыхъ, обновившихъ въ Италіи преданіе виргиліевской эклоги; Боккаччѣо зналъ его поэтическую корреспонденцію съ *Giovanni di Virgilio*, потому что упоминаетъ о ней въ своемъ жизнеописаніи Данте и она нашлась въ одномъ изъ принадлежавшихъ ему сборниковъ ⁴⁾; между тѣмъ въ посланіи къ Мартину да Синья, въ которомъ онъ поясняетъ скрытый смыслъ своихъ эклогъ, онъ не называетъ Данте въ числѣ предшественниковъ. Первымъ изобрѣтателемъ буколическаго стиля былъ Теоокритъ, говоритъ онъ въ началѣ письма, но онъ ничего не тайлъ подъ личиною своихъ словъ; Виргилій вложилъ въ нихъ нѣкій вносказательный смыслъ, хотя и не всѣмъ именамъ своихъ дѣйствующихъ лицъ желалъ придать такое именно значеніе; за Виргиліемъ слѣдовали другіе поэты, не стоящіе вниманія ⁵⁾, лишь мой славный учитель Петрарка нѣсколько поднялъ стиль эклоги,

1) *Cerretum* = Чертальядо, какъ въ *Filocolo*, см. выше стр. т. I, стр. 158.

2) *Rarumque vetustis — Immixtum conchis serpillum.*

3) *De Montibus a. v. Elsa fluvius; Gen. Deor. Prooemium: montanis Certaldi cocleis.*

4) Ркп. Лауренціаны XXIX, 8.

5) *Ignobiles, de quibus nil curandum est.*

и всё лица носят у него знаменательныя имена. Самъ Боккаччо слѣдовалъ приему Виргилія ¹⁾. Если онъ не назвалъ Давте, то потому, быть можетъ, что иносказаніе его эклоги была ему не внятно, либо не отвѣчало его требованіямъ аллегоризма. Именно виргиліевская эклога открывала къ тому широкой просторъ. Виргилій внесъ въ свой нѣсколько лощенный пастушескій мірокъ рядъ личныхъ и политическихъ аллюзій; его толкователи, вроде Довата, Макробія и Фульгенція, вложили въ него всю ту массу мудрости и вѣщаго знанія, которую они раскрывали въ любимомъ поэтѣ. Средніе вѣка усвоили и усилили этотъ взглядъ: въ виргиліевской буколикѣ вычитывали аллегорію созерцательной жизни. Такая широта толкованія, перенесенная на родъ эклоги вообще, достигалась путемъ насильственныхъ уравниній, дѣлающихъ чтеніе иной, напр. боккачьевской эклоги, равносильнымъ чтенію гіероглифовъ. Ограниченный инвентарь пастушеской среды плохо отвѣчалъ тому содержанію, которое пытались выразить его средствами: пастухи, разумѣется, пасли стада, влюблялись въ Филлидъ и Галатей, плели вѣнки, жаловались на бѣдность и насиліе, пѣли взапуски; все это понималось иносказательно: подъ лѣсомъ напр. разумѣлся городъ, овцы — эклоги, пастухъ, поющій, сидя на холмѣ, своему стаду — это Кола ди Ріенцо, дающій народу благіе законы ²⁾ или король Робертъ ³⁾. При такомъ искусственномъ отношеніи формы къ содержанію впечатлѣніе реальной пастушеской жизни или идиллическое настроеніе могли быть достигнуты либо такимъ оригинальнымъ талантомъ, какъ дантовскій, либо достигались случайно и эпизодически. Поэзія умолкала передъ главною задачей: выразить возможно большее содержаніе въ формахъ, недопускавшихъ разнообразія.

Изъ XVI-ти эклогъ Боккаччо лишь первыя двѣ говорятъ

1) Corazzini, стр. 267—8. Объ эклогахъ Петрарки см. Gen. Deor. I. XI, 1 и I. XV, с. 6.

2) Petrarca, Ecl. V.

3) Boccaccio, Ecl. V.

о любви, и притомъ несчастной. Въ первой пастухъ Дамонъ спрашиваетъ Тиндара, что побудило его покинуть поля Везувія для бесплодной долины Арно? Несчастливая судьба, отвѣчаетъ тотъ ¹⁾ и въ свою очередь спрашиваетъ Дамона, почему онъ такъ грустенъ. Галла покинула меня для Памфила, отвѣчаетъ Дамонъ; онъ жаждетъ смерти, но хотѣлъ бы насладиться лицецрѣніемъ своей милой, когда она станетъ старухой и всѣ ее забросать ²⁾.—Такъ плачется во 2-й эклогѣ Палемонъ, сидя на берегахъ Арно: Пампицея покинула его для Главка, и онъ зоветъ ее, томимый любовью ³⁾; онъ былъ бы ей спутникомъ на охотѣ, ухаживалъ бы за ней ⁴⁾, развлекалъ ⁵⁾. Теперь онъ умретъ, и его Тестились всю жизнь будетъ плакать по немъ ⁶⁾.

Въ письмѣ къ Мартину да Синья Боккаччьо отказывается объяснить содержаніе двухъ первыхъ эклогъ: не стоитъ, онѣ говорятъ о моихъ юношескихъ увлеченіяхъ ⁷⁾. Мотивы могли быть подсказаны воспоминаніями, вспомнились Неаполь и Пампицея, но на встрѣчу явились VIII и X эклоги Виргилія, цѣлый рядъ образовъ и выраженій изъ другихъ виргиліевскихъ эклогъ—и обѣ пьесы Боккаччьо очутились центономъ. — Эклоги III—VI касаются отношеній поэта къ анжуйцамъ: Роберту, Андрею

1) durae de me voluere sorores.
Hinc igitur tauros curo deducere silvis
Alcesti, sic atra jubet voluitque cupido.

Если и здѣсь, какъ въ V и VI эклогахъ (сл. выше т. I, стр. 384—5), подъ Альцестомъ разумѣется Людовикъ Тарентскій, мы получили бы въ указанныхъ стихахъ хронологическое указаніе. Hortis (Studi, стр. 2) нашелъ его въ имени Эгона (= Giovanni Visconti) и относитъ эклогу къ 1351 году.

2) Fac cernere possim — Quos peccit croceos crines per tempora sanos и т. д. Сл. сон. LXXXII и выше т. I, стр. 184—5.

3) Stant ducibus pecudes, tauro dilecta juvenca, Turtur in arboribus socium, sociamque columba Turribus insequitur. Сл. Ninf. Fiesol. III, 25 слѣд.

4) O tibi quot flores, violas, quotque rubentes Narcissos ferrem? и т. д. Сл. Ameto, стр. 21 и выше т. I, стр. 270—1.

5) Inde graves animi didici depellere curas Fabellisque novis, demum prohibere latratus Voce sanum et culices facie removere flabello.

6) Тестились загадочна, какъ въ III-й эклогѣ. Сл. выше т. I, стр. 378 слѣд.

7) Fere juveniles lascivias in cortice pandunt, Corazzini, стр. 268.

и Джованнѣ, Людовику Тарентскому ¹⁾, VII и IX притязаній имперской власти на самостоятельность Флоренціи; VIII и X—выражаютъ настроеніе Боккаччо, когда не сбылись его надежды устроиться подъ сѣнью Аччяйоли; XII и XIII—поднимаютъ общіе вопросы поэзіи—и жизненной практики ²⁾, XV—разкрываетъ противорѣчія земныхъ страстей и добродѣтелей, ведущихъ къ небу. Въ XI эклогѣ (Pantheon), напоминающей мотивы виргилиевскихъ VI и IV, Главкъ—ап. Петрѣ воспѣваетъ, по просьбѣ Миртились—церкви, ея судьбы отъ мірозданія до послѣдняго явленія Кодра-Христа, когда земля погибнетъ въ пламени. Съ дѣланнымъ аллегоризмомъ этой эклоги ³⁾ стоитъ въ контрастѣ XIV, можетъ быть, лучшая изъ всего собранія. И въ ней христіанское содержаніе борется съ иносказаніемъ и образами буколки, но въ вводной сценѣ есть реалистическія черты и искренній тонъ въ просыпающемся чувствѣ отца. Не спится печальному Сильвію (Боккаччо) ночью: кажется ему, что развеселились боги, гѣсъ наполнился птичьимъ кликомъ, пѣсь Ликось какъ-то ласково ворчитъ и дружелюбно машетъ хвостомъ. Что это онъ видитъ? Подите, слуги, посмотрите; уже настало утро. — Вставай, старикъ, докладываетъ ему Терапонъ, весь гѣсъ горитъ, пламя побѣдило мракъ ночи! Сильвій спѣшитъ и дается диву: еще ночь, сіяютъ звѣзды, а въ гѣсу свѣтло, и деревья не тронуты пламенемъ. Какой-то чудесный аромат разлитъ повсюду, слышно пѣніе; должно быть, боги спустились на землю, святятъ поля ⁴⁾. «Здравствуй моя отрада ⁵⁾, отецъ мой! Не бойся, я твоя дочь», говоритъ ему, спустившись съ высоты Елизія, Олимпія (= Виоланта), я пришла осушить твои слезы. — О мое утѣшеніе, моя единственная надежда! Смерть унесла тебя, когда я уѣхалъ на раздольныя пастбища Везувія, и я искалъ тебя, печальный, по

1) Сл. выше т. I, стр. 378 слѣд., 383 слѣд.

2) Сл. выше стр. 52 слѣд., 58—9.

3) Сл. выше т. I, стр. 255—6.

4) *Rasca signant.* Сл. *Ameto*, стр. 10 и выше т. I, стр. 267.

5) *Decus nostrum.*

горамъ и доламъ. Гдѣ ты была? Какъ ты выросла! Кто это съ тобой?—Неужели не узнаешь ты своихъ Марія и Юлія и милыхъ моихъ сестеръ? Вѣдь мы — твои дѣти! — Сильвій бросается къ нимъ, обнимаетъ, хочетъ, чтобы всѣ въ домѣ веселились и пѣли.— Если у тебя такая охота веселиться и пѣть, то у насъ есть свои пѣсни, незнакомыя здѣшнимъ лѣсамъ.—И Олимпія поетъ гимнъ въ похвалу Христу и Богородицѣ, первый стихъ котораго повторяется потомъ какъ припѣвъ: Мы живемъ вѣчно заслугами и божественной силой Кодра! ¹⁾.—Что за мелодія, дивится Сильвій, что за пѣсни! такой не пѣвала ни Калліопа, ни Титиръ (Виргилій), ни Мопсъ (Гомеръ). Онъ хочетъ одарить пѣвцовъ; пусть твои дары останутся при тебѣ, говоритъ Олимпія: я ужъ не та, какой ты зналъ меня маленькой (*puerula*), и ничто смертное не проникаетъ въ обитель, гдѣ я обрѣтаюсь. И по просьбѣ отца она описываетъ ему христіанскій Елизій на дальнемъ востокѣ, гдѣ на вершинѣ горы высится благоуханный лѣсъ; тамъ дивные цвѣты, серебряные источники, яблоки и птицы и звѣри—все золотое, золотое солнце и серебристая луна; тамъ вѣчная весна и вѣчный день, нѣтъ печали и смерти, тамъ исполненіе всякаго желанія. Всѣмъ править великій Архезилай, его образъ неизреченный; на его лонѣ покоится бѣлый агнецъ, намъ въ благодатную пищу и во спасеніе; отъ обоихъ исходитъ пламя, утѣшающее печальныхъ, просвѣщающее умственные очи, подающее совѣтъ и силы бѣдствующимъ, вселяющее любовь. Кругомъ вѣчные сонмы сатировъ (святыхъ), облеченныхъ въ пурпуровыя, бѣлыя, желтыя одежды, они славословятъ агнца; между ними я видѣла Азилу (*Asylas*).— Развѣ нашъ Азила сподобился взойти на гору? онъ былъ такой благодушный, образецъ старинной вѣрности. Узналъ онъ тебя?— Узналъ и обнялъ, и поцѣловавъ въ лобъ, спросилъ: Ты-ли это, дорогая дочь нашего Сильвія? И онъ повелъ меня и заставилъ преклонить колѣна передъ Дѣвой (*Parthenos*), которая приобщила меня къ своимъ ликамъ.—И Олимпія объясняетъ, по просьбѣ отца,

1) *Vivimus aeternum meritis et numine Codri, т. е. Христа.*

что такое Партенось¹⁾, возсѣдающая одесную Сына, окруженнаго стаями бѣлыхъ лебедей (ангеловъ). — Кто дастъ мнѣ крылья Дедала, чтобы взлетѣть туда! восклицаетъ Сильвій. — Питай голоднаго брата, напой молокомъ усталаго, помогай заключеннымъ, прикрой нагого, подними павшаго— вотъ что дастъ тебѣ орлиныя крылья, говоритъ Олимпія, исчезая въ воздухѣ. — Сильвій опечаленъ, грустная будетъ у него старость— и мы внезапно возвращаемся къ стилю эклоги, о которой забыли: «Выгоняйте, молодцы, телятъ въ поле, уже встаетъ солнце!».

Эклоги Боккаччо неволью вызываютъ сравненіе съ буколичкой Петрарки, которую онѣ имѣли ввиду. Сравненіе не можетъ касаться эстетической оцѣнки, ибо къ ней нѣтъ повода. Дѣло идетъ объ искусственномъ родѣ, исключавшемъ поэзію; можно сказать, что Петрарка движется въ немъ ровнѣе и спокойнѣе, онѣ большій художникъ латинскаго стиха, но я не сказалъ-бы, чтобы онѣ явился бѣльшимъ поэтомъ. Ему удаются лирическія мѣста, лирическія положенія, вродѣ знаменитаго въ VIII эклогѣ, гдѣ съ вершины Альповъ Амикль открываетъ панораму Италіи и въ самомъ себѣ — любовь къ далекой родинѣ. Боккаччо, по натурѣ, эпикъ, оттого ему удалась бытовая картина въ началѣ XIV эклоги, но въ общемъ условія жанра должны были связывать его реализмъ; онѣ грузенъ и менѣе владѣетъ формой. Ему не уйти за Сильваномъ; Саффо была права: талантъ выше труда, говорила она, а онѣ все хочетъ превозмочь трудомъ. Его программа того требовала: онѣ обратится къ наукѣ; когда-то она питала его поэзію любви, «неупорядоченнаго желанія», теперь онѣ будетъ искать въ ней упорядоченнаго міросозерцанія и въ немъ обрѣтетъ основы новой, возвышенной поэзіи. Но поэзіи не вышло, потому что не получилось цѣльнаго міросозерцанія; въ въ погонѣ за нимъ Боккаччо перестаетъ быть поэтомъ, чтобы очутиться эрудитомъ — гуманистомъ.

Такъ совершилось «обращеніе» Боккаччо, задолго до того

1) *Alma Jovis genetrix haec est et filia nati.*

времени, когда въ 1361 году вѣщанія монаха фанатика навели на него суевѣрный страхъ за свою душу. Это былъ лишь случайный моментъ въ развитіи, главныя стадіи котораго уже были пройдены; Боккаччо привели къ нему годы и эротическіе недочеты и окрѣпшее сознаніе своей жизненной задачи. Тогда ему представилось, какіе уроки могутъ извлечь изъ его Декамерона, и онъ задумался. Такъ неудача Федры и дѣло маркизы de Grinvilliers раскрыли Расину глаза на гибельныя слѣдствія тѣхъ страстей, которыя такъ очаровывали въ поэзіи его трагедій — и онъ оставилъ на время поэзію и ударился въ религіозность. Боккаччо ушелъ въ науку.
